

Р.Р. БАВДИНОВ

ДВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТА: АБАЙ И БИЛАЛ НАЗЫМ*1 Абай и Билал Назым как языковые личности*

В истории каждого народа выделяются личности, которые своим творчеством вливают новую, обновленную струю в развитие языковой структуры, тем самым, становясь основоположниками языковых новаций или продолжателями предшествующих традиций, но добавляя к старому более демократические перемены в языковом отношении. *Языковая личность* – это понятие многогранное, включающее как экстралингвистические, так и интралингвистические факторы, но и характеризуется рядом особенностей, из которых и формируется языковая личность. Языковая личность – это новый термин, введенный российскими лингвистами (в частности исследования Ю.Н. Караулова), который точно передает яркую индивидуализацию творчества того или иного мастера слова [1]. «Языковая личность» включает такие компоненты, как неповторимость, обновление, приближенность к норме, обогащение языка во всех ярусах от фонетического до грамматического, и естественно, заложенность традиции. Языковая личность для казахской и уйгурской литературы – это Абай и Билал Назым (другие типологические параллели: в России – Пушкин, в Англии – Чосер и Шекспир, во Франции – Рабле и Гюго, в Испании – Сервантес, в Италии – Данте и Петрарка и т.д.).

Среди плеяды тюркоязычных поэтов и писателей особого внимания заслуживает творчество Билала Назыма и Абая. Билал Назым – поэт демократического направления. В своих произведениях – лирических песнях, исторических поэмах он воспевал любовь и дружбу, чаяния и стремления народа, его ненависть к угнетателям и борьбу с ними. Билал Назым, с одной стороны, продолжает развивать письменно-литературную традицию уйгурской классики предшествующих эпох, а с другой – широко использует богатства устно-поэтического творчества. Произведения Билала Назыма по своей демократической направленности, а также использованию в них возможностей родного языка несколько созвучны с творениями многих демократических тюркских поэтов и писателей, таких, как Абай, Ахундов, Тукай, Махтум Кули, Фуркат и др. Все они стояли у истоков развития национальных литературных языков: казахского, азербайджан-

ского, татарского, туркменского, узбекского. И каждый по-своему сыграл роль в формировании и развитии национального литературного языка.

Для творчества Билала Назыма характерно преемственное развитие традиции уйгурской классической литературы, которая к этому периоду достигла значительных успехов и располагала большим количеством художественных произведений. Билал Назым творил под влиянием этой литературной традиции, используя все ее каноны и художественно-языковые средства [2, 37].

Образцом для творений поэта служила богатая письменно-литературная традиция арабо-персоязычного Востока, собственно народные элементы занимали небольшой процент в произведениях. Высокая эстетика, вычурность литературных форм, разнообразные художественные средства, разветвленность образной системы, использование различных систем стихосложения – это все было достоянием арабской и персидской литератур. Предшественники Билала Назыма также творили под воздействием письменно-литературной традиции арабо-персоязычного Востока, к примеру, Алишер Навои, Бабур, многие уйгурские поэты, творившие до Билала Назыма. Язык пестрит заимствованиями из арабского и персидского языков, наблюдаются случаи использования китаизмов, но в основном, в качестве стилистического средства, усиливающие экспрессию и дающие яркую характеристику этой эпохи (борьба уйгурского народа с цинскими завоевателями в Восточном Туркестане была неиссякаемым источником для Билала Назыма). Другими словами, в каждый исторический период в том или ином произведении с наибольшей полнотой отражаются характерные черты и тенденции данной эпохи. К примеру, в качестве типологической параллели, можно привести творчество Дж. Чосера, который благодаря популярности, старался использовать чисто английские языковые формы, без заимствований из скандинавских языков. XIV век для английского языка переломный момент, это период обособления и развития германских языков, в частности, английского. Ориентировка литературного языка на язык Лондона была делом решенным, то есть шли процессы централизации норм литературного английского языка [3, 35].

Абай – основоположник нового казахского письменно-литературного языка предпочитал народно-разговорную речь и язык устного поэтического творчества традициям «книжного» языка или среднеазиатского литературного языка «тюрки». В своих творениях он не только использовал богатства народного разговорного языка, но и мастерски освоил и литературно обработал его нормы, придав письменно-литературному языку демократичный характер развития. Если не считать его первоначального увлечения среднеазиатской письменной литературой, то основным источником образности, выразительности языка Абая было устное творчество казахского народа, веками развивавшееся на базе общенародного разговорного языка [4, 37]. Казахский языковед С.К. Кенесбаев дал такую характеристику языка рассматриваемого периода: «До Абая и Алтынсарина мы не имели, по существу, письменных источников, которые в языковом отношении могли бы служить образцами казахской художественной литературы. До Абая был своеобразный литературный язык, общий для ряда тюркоязычных народов, почти ничего не имевший со строем казахского языка. На этом «общелитературном» языке писались, главным образом, апокрифические произведения («хисса», а также «дастаны»). Их авторы-книжники воскуряли фимиам Аллаху, пророкам и ангелам, и в полном соответствии с религиозно-мифологическим содержанием язык этих сочинений представлял собой пеструю смесь элементов тюркских, арабского и иранского языков. Что касается ханских грамот, переписка султанов, биев доабаевской эпохи, то и они представляли собою осколки модного в то время официально-эпистолярного стиля, пересыпанного в большей степени чагатайскими, татарскими, арабо-иранскими элементами. Лексические, грамматико-фонетические нормы казахского языка буквально утопали в этой мешанине элементов разных тюркских, порой разноструктурных (арабо-иранских) языков. Поэтому ни официальная переписка, ни религиозные сочинения, ни язык поэтов-книжников не могли служить истоками формирования казахского литературного языка» [4, 124].

В творчестве Абая можно выделить четыре вида источника. 1. Наследие творчества жырау и акынов предшествующих эпох. 2. Образцы устного народного творчества. 3. Обращение к персоязычной литературе (как минимальный компонент в наследии Абая). 4. Произведения русской классической прозы и поэзии. Последний

источник демонстрирует явное различие между творчеством Билала Назыма и Абая, обращение к русской классике является новацией для тюркоязычных литератур рассматриваемой эпохи. Абай, как языковая личность, таким образом следуя исторической обстановке обращался к передовой русской классике, расширяя диапазон зарождающейся новой казахской литературы (постановка проблемы в оппозициях Абай-Пушкин, Абай-Лермонтов давно стала предметом исследования в казахском литературоведении). Влияние русской литературы на творчество Абая огромно (можно полагать, что «великое» влияние русского языка и литературы на Абая не является преувеличением, и даже в советском абаеведении, несмотря на идеологическую подоплеку подобных исследований, писавшиеся в советское время). Начиная с Абая, вся казахская литература постоянно будет использовать ресурсы русского языка, и в качестве своеобразных образцов будут служить произведения русских и советских писателей и поэтов. Можно сказать, что Абай основоположник не только современного казахского литературного языка, но и новатор казахской литературы – в этом проявлении языковой личности Абая.

2 Языковые особенности произведений Абая и Билала Назыма

Великая историческая миссия Абая заключается как бы в обнародовании общенародного языка. Он поднял богатое языковое достояние устного творчества и народно-разговорной речи до уровня литературного языка. Это обусловлено прогрессивностью, демократичным характером его художественного творчества. Выражая думы и чаяния народа, борясь за культурный прогресс, за дружбу с русским народом, великий поэт должен писать только на *общенародном языке*, разрушая и отвергая языковые каноны книжников-глашатаев религиозного и политического мракобесия. С.К. Кенесбаев писал по этому поводу: «Трудно переоценить историческое значение Абая и Алтынсарина, которые, идя на штурм установившейся, с позволения сказать, «литературной» традиции со свойственной ей пестротой в языке, закладывали фундамент нового казахского литературного языка. Пословицы, поговорки, народные афористические выражения, различные лексико-грамматические напластования в их общенародном звучании, широко встречающиеся в произведениях Абая и Алтынсарина, убедительно и красноречиво говорят об общенародном характере их языка» [4, 126].

Язык многих дастанов был непонятен широким слоям населения, которые пестрели вычурными оборотами, напичканы чагатаизмами, татарскими книжными формами, в них много лексических, фонетических и грамматических отклонений, порою совершенно не свойственных казахскому общенародному языку. Читатель был вынужден тщательно разбираться в этой псевдоказахской абракадабре, приходилось вчитываться в текст, и обдумывать значения слов, а не вникать в содержание произведения. Например:

Таңиржанның Һәсрәтін яр кылыпсын құдая
Ашық йүзін көрмәккә зар кылыпсын құдая
Ғышқым шегүп көрмәсә, ол кадрымны билмәс
дүр
Ғашықларның сөзіні құлағына ілмәс дүр
Сырым ілән сырдашсын, йолым ілән йолдаш-
сын
(Таңир ілә Зүһрә) [4,127]

Язык сильно деформирован, чуждые элементы и даже стиль повествования создает препятствия для восприятия текста, искусственность и нарочитая витиеватость выступают на передний план. Сравним стихотворение Абая «Жаз».

Жаздыкүн шілде болғанда,
Көкорай шалғын, бәйшешек,
Ұзарып өсіп толғанда;
Күркіреп жатқан өзенге
Көшіп ауыл конғанда;
Шұрқырап жатқан жылқының
Шалғыннан жоны қылтылдап
[4,127]

В этом стихотворении Абая не видна искусственность, а элементы народного языка понятны простому читателю, который не знаком с персидской традицией стихосложения. Необходимо заметить, что народные (фольклорные) элементы живучи и стройно вплетаются в ткань художественного произведения. Стиль Абая яркое тому подтверждение.

Как выше было сказано, Билал Назым яркий последователь классической уйгурской поэзии и сторонник канонов арабо-персидской стихотворной традиции, идущей еще с образцов дастанов. Стилистические фигуры, топика, языковые особенности, содержание произведений – все подвержено этим канонам. Например в уйгурском народном дастане «Ғерип вә Сәнәм»:

Булбули бечарәсән гүл ишқидин ғәриядә қил,

Ашиқи сәргүштә болсаң уйқини бәрбадә қил,
Тинмайин шаму сәһәр йиғлаб йүрүб буниядә қил,

Бир имарәт мән қилибмән, ишқидин абадә қил,
Җаним молам, бир зәман гүл ярини азадә қил
[5, 24]

Продолжение этой традиции видим у представителя уйгурской классической поэзии XVIII века Залелий (особенно структурные элементы, содержание имплицитно подстраивается под народный дастан).

Кимки айрилди тириклик мәвсимдә яридин,
Зәфиран бәрги төкүлгәй һәр нәфәс дидаридин,
Бойи зулфундин бихәбәр диванилик һәсил эмәс,
Кәлтүрүб бойнумға бағлаңлар жунун тумаридин,
Кәдри таҗи мәрифәт билмәсмикинләр зунд
ели,
Хатири хуштур һәмшиә жуббәву дәстаридин.
Бағ ара шафталу үзмәкликкә кирдим, алмадур,
Бағбани нативан бин бәрди ахир наридан.
Дәрди сәр бәрди Зәлилий тәлбәгә сәвдаиһи әқл,
Сәндәли хушбойи кәлтүр ишқиниң әттаридин.
[6, 24]

Преимственность литературной традиции, заложенная предшественниками добилаловского периода, отразилась и в произведениях Билала Назыма. В лирике Билала Назыма наблюдается переплетение лексических персидских элементов с собственно уйгурскими (тюркскими) и созвучны той эпохи, в которой творил поэт.

Гүл йүзингә әндәлиб йәңлиг қилиб зар әйләдиң,
Гүлмусән, тикәнмусән я һурмусән, гилман-
мусән?

Гүл сифәт гүллүктә турсаң, нәстәрин болғай
хиҗил,

Көрмәдим һәргиз малаллиқта ләби хәндан-
мусән?

Җилвә әйләб чиксаң өйдин рәшк әйләр Муштар-
әри,

Һәсн иқлимига гоя бир маһи табанмусән?
Көрмәдим бу панида сәндәк малаһәтлик киши,
Я һәрисән, я маләксән, билмәдим, инсанмусән?
Гүли сурһ яңлиг йүзингә бу Билал бечарәни,
Әйләдиң манәдин булбул гунҗәи рәйһанмусән?
[7, 159]

В вышеприведенных примерах курсивом выделены персидские элементы, которые количественно превалируют над собственно уйгурскими. Уйгурские лексические элементы и морфологические

форманты занимают небольшой процент. В стихотворном отрывке Абая собственно казахские (тюркские) элементы занимают значительный процент. Для творчества Билала Назыма, как говорилось выше, характерно явное тяготение к уйгурской классической литературе, которая к этому периоду достигла значительных успехов и располагала большим количеством художественных произведений. Следует отметить, что творчество Билала Назыма как бы знаменовало собой переход от языка уйгурской классической литературы к литературному языку нового времени. Вместе с творчеством его современников – Молла Шакира, Молла Мусы Сайрама, Сеид Мухаммеда Каши, а также с богатым устным народным творчеством, в том числе с произведениями Садыра Палвана, Назугум, Ходжа Насреддина, Молла Заидина, Сяляй Чакана, Умара Ходжи, Мумина Моллы, и других, оно характеризует первый этап современного развития нового уйгурского литературного языка.

Неправоммерно было бы рассматривать уйгурскую литературу как «имитационную», то есть в качестве образцов заимствовались персидская классика, начиная от топки и заканчивая стилистическими фигурами. Возможно, создается впечатление, будто народной основы в уйгурской литературе не существует, и вся национальная литература искусственна и лишена глубоко этнических компонентов. Уйгурское устное народное творчество существовало и занимало большое место в духовной жизни народа и было постоянным источником вдохновения, но элементы народной культуры представлены в поэзии уйгурских классиков рудиментарно. Данную рудиментарность нельзя рассматривать как отжившую и низкую композиту в творчестве поэтов, уйгурские поэты-классики предпочитали возводить свои произведения к «предкам» и это была традиция. *Традиция* – это мировоззрение уйгурских поэтов и историческая память, приверженность к «элитной» культуре. Она являлась феноменом уйгурской национальной культуры. В настоящем исследовании хотелось бы проследить преемственность представителей уйгурских классиков через лингвистический анализ произведений, при этом оперируя и фольклорными текстами как прецедентами уйгурских поэтических шедевров нового времени. Предметом анализа послужит одна из газелей Билала Назыма, она исследована с литературоведческой точки зрения, нами же предпринята попытка лингвистического анализа. Ниже приведен полный текст газели.

Мэн Или *шэньриде* көрдүм *вэ* *эжсайи* бир *пэри*,
 Нэ *пэри*дур *мэньвиш-и* ким *нур сифатлик дил-бэри*,
Духтэри/дур эжилвэлик наз-у кэрэимэ билэ ким,
 Қойдилэр *нагэнь қэдэм* ул *кочадин базар сэри*.
 Кэйнидин *сүрьэт* билэ бардим көрэй дэп йүзини,
Нагэньан ачти йүтини *ус сээдэт ахтэри*.
 Ул *зэман* көрдүм йүзини, бу *башимдин кэтти ньош*,
 Қалди *нэсрэтти қэмэр*, *нэйран хуришид-и хавэри*.
 Нэ балаға учрадим, кэтдим өзүмдин ул күни.
 Йегилиди *нэлимға кэньистан* аңа яшу-қери.
Атэши ишқи туташди-ю өртэди бағримини көп,
 Бу *эжэньэтдин* тоти-йи *дил шад* эмэс андин бери.
 Мэн нэ дэп *вэсфин* ейтай, *нур эсанан йэңлиг* ерүр,
Нөсн иқлимда гоя барчэ кизлар *сэрвэри*.
Жүмлэ духтэр ахтэр олса, ул *пэригэши шэмсдур*,
 Барчэ *балки лэньл* болса, ул *сэдэфниң гэвэри*.
Балки миһрап қашиниң, тал бойиниң, *гүл роишиниң*,
 Болмиғай *манэндэси шэньдбал пэриниң духтэри*.
Нэр киши *вэсфин* ишитди, *ишқида* болди *эсир*,
Нэм Билали *талбэдур*, *ушбу эсирлэрниң* бири [8, 114]

Заимствования характеризуются особенной стилистической окраской, фарсизмы, вкрапленные в уйгурский текст, отличаются книжностью, что естественно для высокой эстетической художественности в стиле уйгурского классика. Стилистически маркированными можно считать следующие персидские лексемы:

Йэңлиг подобно, будто (син. *охишаш, гоя*)
Духтэр девушка (син. тюрк. *қиз*)
Лэньл (вар. *лэл, лэал*) рубин (син. *якут, қизил якут*)
Наз-у кэрэимэ кокетство, подмигивание (*наз* и *кэрэимэ* синонимичны друг другу, второе имеет налет высокой книжности)
Пэригэши подобная пери, красавица
Манэнд (вар. *мэнэнд*) подобно, словно, будто, подобный, похожий (син. *охишаш, гоя*)
Нөсн (вар. *нөсүн*) красота, лицо, лик(?) (син. *чирай*)
Нур свободный, привольный (син. *азат*)
Қэмэр луна (син. *ай*)

Дилбэр красавица

Сэрвэр предводитель, вождь, еще «книжный» элемент *сэркарда*

Атәш огонь (син. *от*)

Шәмс солнце (син. *күн*, синонимический дуплет: *күяш* тюркское – *хуришид* персидское заимствование, оба употребляются в книжном стиле)

Тюркский словарный фонд занимает довольно скромное место в произведении. Отметим, что в газели встречаются в основном общетюркские лексемы. 1 Местоимения: *мән* я, *буэтот*, *улэтот* (кыпчакизм? ср. уйгурскую форму дейктического местоимения *у*, в казахском языке *ол*), *ушбу* этот, *аңа* датив от *у*, *ким* кто, *өзүмдин* от себя. 2 Глаголы и глагольные формы: *көрдүм* видел, *қойдиләр* зд. наступают, идут, *бардим* ходил, *ачти* открыл, *кәтти* ушел, *қалди* остался, *учрадим* встретил, *ийгиди* плакал, *туташиди-ю* воспламенился, *ейтай* скажу, *ерүр* модальный глагол, *олса* был (у Билала Назыма часто встречаются огузизмы), *шиитди* слышал, *болди* был, *көрәй дәп* хотел увидеть. 3 Существительные: *Или* название реки, *қашиниң* ее брови, *бойниң* ее стан, *қизлар* множественное число от *қиз*, *бағримни* моя печень, *күни* (в этот) день, *йүзини* ее лицо, *башимдин* моей головы, *балага* этой беды, *киши* человек, *тал* ива. 4 Остальные формы: *бир* числ. один, *билә* союз «с» (лит.орф. *билән*), *кәйнидин* нареч. сзади, *көп* много (элемент кыпчакского языкового ареала, ср. уйг.лит. *жүк*).

В газели Билала Назыма 64 заимствования, тюркский (уйгурский) фонд составляет 37 лексемы или в процентном соотношении: 57,8 % – парсизмы, 42,2 % – тюркские элементы. Персидские лексические элементы преобладают над тюркскими не только стилистически, но и количественно.

Большой интерес представляют фонетические особенности газели. Рассмотрим их подробнее. 1 наличие инициальной среднеязычной фонемы [й], что характеризует говор кашгарских уйгуров: *ийгиди* (он) плакал. 2 Отсутствие т.н уйгурского «умлаута», присущий литературному языку и центральному диалекту уйгурского языка (по классификации диалектов Э.Р. Тенишева): *кочадин* (лит.орф. *кочидин*) по улице, *башимдин* (лит.орф. *бешимдин*) моей головы, *бағримни* (лит.орф. *бег(и)римни*) моей печени, *қашиниң* (лит.орф. *қешиниң*) ее бровей. 3 Случаи разрушения хиатуса: *саадәт* (лит.-орф. *саадәт*) счастье (ср. в казахском языке, хиатус разрушается с помощью эпентичной увулярной фонемы [Ғ]: *сагадат* в том же значении). 4 Наличие в глагольной формах глухого и звонкого согласного, что не характерно литературному языку:

кәтдим (лит.орф. *кәтти*) я ушел (ср. в этом же произведении «*башимдин кәтти һош*»). 5 Нарушение небного сингармонизма: *хавәри* (лит.орф. *хәвәри*) новости (род.п.), *балага* (лит.орф. *балага*) несчастью, беде.

Морфологические особенности газели. 1 Наличие дуплетной формы глагола условного наклонения, одна из форм – огузская: *олса-болса* будет (первая форма характерна, например, для современного турецкого языка). 2 Неусеченная форма желательного наклонения без вспомогательного глагола. В современном уйгурском языке данный формант встречается только в усеченной форме: *болмигай* (*Болмигай манәндәси шәһдәбәл пәриниң духтәри*), ср. лит.орф. *баргай+едим* > *баргедим*.

Стилистические особенности газели представляют интерес как для литературоведов, так и для лингвистов. Если выше мы затронули проблему традиции, хотелось бы проиллюстрировать данное положение ярким примером из произведений А. Навои:

Мән Ёират шәһридә көрдүм бир әжайиб мәнзәри,

Мәнзир ичрә олтурадур һури йәнлиғ бир пәри,
Бардим олтурадум кашидә, бойниға сундум колум,

Шевәий назук кәрәшмә бирлә әйтүр кәт нәри,

.....
Һәсни иклимида йок сәндәк кишиниң дилбәри
[9, 61]

Сравните у Билала Назыма:

Мән Или шәһридә көрдүм вә әж айип бир пәри,
Нә пәридур мәнвиш-и ким һур сифәтлик дил-бәри,

.....
Һәсн иклимда гоя барчә кизлар сәрвәри.

Единоначатие и основные стилистические фигуры у А.Навои и Билала Назыма, вполне говорят в пользу преемственности, и самое главное, что эта традиция непрерывна, несмотря на крупные исторические события, происходившие в Восточном Туркестане в рассматриваемый период. Говоря о преемственности, необходимо отметить, что в данном случае мы можем говорить об истинном диалоге культур (следуя за «опытом определения» В.С. Библера), внутри культурного пространства одного этнического круга создаются другие концентрические круги. Диалог культур в данном случае не популярное избитое словосочетание, а реальное

положение вещей, установленность традиции в культуре пронесены сквозь века, и этот невидимый диалог действительно существует. Доказательством последнего утверждения может служить наличие жанра *«музакира»* (своего рода «спор»). Жанр музакира существовал в восточной литературе, в частности, в уйгурской, он подразумевал именно диалог. Не только Билал Назым перекликается с предшественниками, но и предшественники определяют потомков и последователей, как пишет В.С. Библер: «Каждый новый персонаж выявляет, актуализирует, даже впервые формирует новые свойства и устремления в персонажах, ранее вышедших на сцену...» [10, 33]. Литература вообще немислима без преемственности, говоря о Чехове, мы держим в голове Толстого, читая Достоевского, видим реминисценции Гоголя. Выстраивание вертикального ряда плеяды уйгурских поэтов создает такую же аллюзию, как и в случае с русскими мастерами пера. Универсальная схема (по крайней мере, по сложившейся традиции классификации уйгурской литературы) развития преемственности в истории уйгурской национальной литературы конструируется в виде ступеней, исходная стадия сверху спускается вниз до рассматриваемого периода.

Юсуп Хас-Хаджиб Баласагуни

Алишер Навои

Уйгурская классическая поэзия

Билал Назым

Возводить уйгурскую литературу к творчеству Юсуп Хас-Хаджиба Баласагуни вполне традиционно, сравните: «...первым уйгурским поэтом и мыслителем, заложившим основы уйгурской классической литературы, является автор XI столетия Юсуп Хас-Хаджиб Баласагуни» [11, 94]. Мы говорили выше о высокой эстетической направленности произведений Билала Назыма, анализируемая газель ярко подтверждает этот постулат. Наряду с художественными и стилистическими особенностями, в поэзии Билала Назыма присутствует большое эстетическое начало, которое усиливает стих и делает его по праву шедевром мирового художественного наследия. Стоит лишь упомянуть о том, что тексты газелей Б.Назыма вошли в состав *«Двенадцати уйгурских мукамов»*, в частности, в мукаме *«Чапбайт»* в части *мукам баиллиниши* использована одна из газелей поэта.

Говоря о языке Абая, необходимо подчеркнуть то, что Абай прекрасно понимал, что его новые ху-

дожественно-эстетические, идейно-воспитательные устремления требуют активного творческого подхода к языковому достоянию казахского народа. Многочисленные факты говорят, что Абай, максимально используя «первоэлемент» художественной литературы – общенародный язык, обрабатывал, совершенствовал нормы родного языка. В своем стремлении добиться большей выразительности, он допускал вполне оправданное переосмысление слов. В его произведениях мы находим множество примеров, указывающих на смежные ряды слов и значений. Это свидетельствует о том, что в языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Говоря иначе, слово, наряду с основным своим значением, может иметь ряд переносных значений и оттенков, получаемых некоторыми эпитетами, употребительными в нормах устной речи или языка фольклора, подвергает их остроумному переосмыслению и образует совершенно новые словосочетания. Как отмечал С.К. Кенесбаев, Абай как истинный мастер казахского художественного слова выдвигал строгие требования к поэзии, назвав ее «властителем языка». Давая оценку Шортанбаю, Дулату и Бухару, Абай упрекал их в отсутствие индивидуального высокохудожественного мастерства: по мнению поэта, их стихи не самобытны, их стиль не оригинален, он называл их произведения поэзией «заплат». Оригинальность языка Абая разносторонняя: в его творчестве индивидуальное начало выявляется в разных лексико-фразеологических напластованиях. Многие слова и выражения общенародного языка как бы находят в произведениях Абая вторую жизнь, они становятся эластичными, расширены семантически, гибки стилистически. Роль Абая в истории казахского языка исключительна в том смысле, что он впервые простые общенародные формы возводил в ранг поэтического контекста и стих становился из-за этого более легким, красочным и истинно народным. В творчестве Абая не каждая форма общенародного языка входила в канву поэтического текста, он тщательно отбирал из народного языка емкие и меткие лексемы и выражения. Язык Абая схож с языком эпического казахского творчества. Например, в вышеприведенном примере, яркая вычурность и сложность языка противопоставлена простому и выразительному языку эпики и поэзии Абая.

Тағыржанның нәсрәтін яр қылыпсын құдая
Ашық йүзін көрмәккә зар қылыпсын құдая
Ғышқым шегүп көрмәсә, ол кадрымны білмәс

дүр

Ғашықларның сөзіні құлағына ілмәс дүр
Сырым ілән сырдашсын, йолым ілән йолдаш-
сын

(Таһир ілә Зүһрә) [4,127]

Теперь рассмотрим пример из лиро-эпического творчества казахского народа, в качестве образца возьмем отрывок из героической поэмы «Қамбар батыр». В данном отрывке для нас важен язык поэмы, как общенародный язык вплетен в ткань произведения, в котором нет места для псевдонародных элементов, создающих помехи для полноценного понимания текста. Ниже будет приведен зачин поэмы как яркий компонент эпической поэмы.

Жаксылар, дастан айтайын,
Әуелі алла сыйынып,
Екінші кәміл піріме.
Құлақ салып тыңдаған
Жамандық көрме тіріде
Батырлар қылған қайратын
Қартаймай тұрып әріде.
Ертедегі ерлерден
Нұсқа болмай соңғыға,
Өткен емес бәрі де.
Ойлағанға осындай
Опасыз жеңіл дүние
Тенізден шыққан құрдымдай
Жетпеді ешкім түбіне.
[12, 311]

В поэзии Абая лексико-семантический комплекс аналогичен языку «Қамбар батыр», у читателя может создаться впечатление, что Абай мог подражать языку эпоса. Сравните:

Шаһардан бір күн Масғұт шықты тысқа,
Барды да кезі келіп бір жұмысқа?
Бір ұры бас сап тонап жатқан жерде
Кез болды бір бишара шал байғұсқа.

Масғұтты ұры шапты қылышпенен,
Тәуір-ақ Жан сақтапты жұмыспенен.
Есен-аман шал-дағы құтылыпты,
Масғұттан жау қашқан соң ұрыспенен.
[13, 130]

Рассмотренный отрывок из поэмы «Масғұт» демонстрирует близость языка Абая с языком эпической поэмы, базирующейся на общенародной основе. Абай старался приблизить язык собственных литературных произведений с языком фольклора, то есть он видел простоту и доступ-

ность общенародного языка, на котором создавались эпические и неэпические произведения. Нельзя не отметить, что при создании литературных шедевров не менее важным фактором в формировании творческого таланта Абая была литературная переводческая деятельность. Переводя произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова на казахский язык, Абай под непосредственным их влиянием расширил и углублял тематику и содержание казахской художественной литературы. А это обусловило настоячивые поиски новых форм, отбор наиболее ярких, емких слов, благодаря чему поэт достигает небывалого художественного мастерства, как в оригинальных, так и в переводных произведениях.

При сравнительном описании двух культур (в данном случае, письменное наследие Абая и Билала Назыма, как представителей письменной культуры) *volens nolens* выделяешь «свою культуру» как противопоставление «чужой культуре». При этом «своя культура» рассматривается как единственная. Ей противопоставит «некультура» других коллективов. Как отмечал Ю.М. Лотман, «язык описания не отделен по содержанию от тех или иных научных концепций, связан с тем или иным объяснением сущности культуры. Существенным свойством языка науки является то, что полезность его проверяется не теми критериями, которыми проверяется правильность тех или иных научных идей» [14, 461]. Описание феноменов собственной культуры становится сложной задачей для исследователя. Ученый должен абстрагироваться от мира «родной» культуры и смотреть на нее, как на существующую параллель с другими культурами, то есть, например, уйгурская культура есть такое же культурное тело, как и казахская и наоборот. Описать другую культуру – дело нелегкое, тем более, когда это касается письменных текстов. Правомерно будет в данном исследовании при описании творчества двух классиков Абая и Билала Назыма рассмотреть основные общие и частные особенности. Возможно, эти особенности будут чисто лингвистическими, но этот подход приемлем для анализа языка двух поэтов рассматриваемого периода.

1 Наличие историзма

Описание реальных исторических событий присутствует у Абая и Билала Назыма. Абай – автор исторической поэмы «Ескендір («Искандер»)», Билал Назым автор исторических поэм «Ғазат дәр мүлкі чин («Священная война мусульман против китайцев»)» и «Назугум». Обращение к истории – прерогатива поэта, который живет не только настоящим, но и переживает снова исторические события, которые, на его взгляд, влияют на умонастроения народа и служат источником для дальнейших творческих порывов.

Отсюда приближенность языка к простонародному, умеренное использование заимствований, высокий патриотизм, насыщенность произведения историческими персонажами – у Билала Назыма. Приближенность к восточной топике, простота и лапидарность языка – у Абая.

2 Лингвокультурема «гул» в творчестве уйгурских классиков, как наличие традиции (добилаловский период и творчество Билала Назыма)

В творчестве Билала Назыма и его предшественников большую роль играет лингвокультурема «гул». Описание лингвокультуры «гул» в историческом ракурсе было предпринято нами в диссертационном исследовании [15]. Хотелось бы проиллюстрировать примерами использование лингвокультуры «гул» у предшественников Билала Назыма и самого Билала Назыма.

Значения лексемы «гул» различны. В «Уйгурско-русском словаре» дано основное значение «цветок», далее идут идиоматические сочетания, включающие лексему «гул»: 1. *гул чакмак* вышивать, вышить; разрисовать, нарисовать рисунки; 2. *гул басмак* набить, отпечатать узор; 3. *гул калтурмак* с пометой *перен.* выполнить очень изящно (какую-либо работу); очень богато обставить, меблировать; 4. *гулдэк бақмак* также с пометой *перен.* лелеять, заботливо растить [16, 55]. Как видим, значения рассматриваемой лексики сильно дифференцированы, удельный вес составляют идиоматические сочетания. Нами не анализируются паремические единицы, в которых представлена данная лексема, рассматриваемая как лингвокультурема, это тема отдельного исследования. Также мы не анализируем фольклорные тексты (дастаны, сказки, легенды, кошаки и бейты), дающие богатый материал по лингвокультуре «гул». В образцах уйгурской литературы широко представлены примеры использования лексики «гул». Таким образом, идет расширение парадигматического и синтагматического ряда лингвокультуры «гул» в поэтическом контексте.

Традиционное употребление «цветочной» темы находим еще в поэзии XV-XVI века, как предтечи уйгурской классической поэзии. Апология женской красоты – одна из ведущих тем у Атаи:

*Кэл, ай дилбар, ки бостан вақти болди,
Гул ачилди, гулистан вақти болди.
Қилай налэ, бақиб гулдэк йузуңгэ
Чу булбулларга эфган вақти болди...
Бу дамким, гул қилур булбулга алтаф,
Атайнга нэм еъсан вақти болди*

[9, 47]

Для Султана Саидхана райские кущи не нуж-

ны, ему достаточно и земной женской красоты:

*Қайси гулиәнниң йузуңдэк бир гули рәнәси бар?
Қайси гулниң бир мениңдэк булбул шайдәси бар?*

[9, 64]

В уйгурской классической поэзии XVIII-XIX вв. символика цветов прослеживается очень четко. Представители классической уйгурской поэзии при описании красоты возлюбленной использовали качества различных цветов, так стан возлюбленной сравнивали с нарциссом, цвет лица с благоухающей розой, нити ниспадающих волос на плечи с бархатцами. Например, в поэме «Муъаббатнама ва меънәткәм» («Любовь и труд»), Хиркати использовано около 30 наименований цветов! [17,16]. В газели поэта Арши из 18 строк лексема «гул» в различных сочетаниях и производных встречается 15 раз, нами не учитываются наименования других цветов, в таком случае количество наименований увеличивается почти вдвое! В классической уйгурской поэзии употребляются различные сочетания и производные от *гул*, например, *гулдэк* «как цветок», *гулчә* «цветочек», *гулрухсар* «цветочный лик», *гулбостан* «цветочный сад», *гулийулук* «цветолика», *гулзар*, *гулдан* «цветник», *гулдәстә* «букет цветов», *гулчәһрә* «цветолика», *гулрой* «дух цветка» (запах?), *гулистан* «цветник, насаждения цветов», *гулдузар* «цветолика», *гулрух* «дух цветка», *гулфишан* «в окружении цветов», *гулрәң* «цветочный цвет» и т.п. Лингвокультурема *гул* присутствует и в иных контекстах, например, в философском. У Харабати читаем:

*Бир йетимни нәр киши хәндан қилур,
Өзини жәннәтдә гул-бостан қилур*

Если смог человек улыбчивым сделать сироту
Себе в раю цветник создал тем самым

[6, 156]

У Билала Назыма одна из любовной газели полностью построена на сравнении красоты возлюбленной с цветком (розой), поэт обращается к ней не иначе как «розолика»:

*Гул йузиңгә әндәлиб йәңлиг қилиб зар әйләдиң
Гулмусән, тикәнмусән, я нурмусән, гилман-мусән?*

Мне пение твое, розолика, будто бы стон
соловьинный

Кто ты служанка, гурия, роза, колючка сухая?

[7, 159]

Красота девушки несравнима даже с цветами, как творениями природы – это подчеркивает Билал Назым и применяет в газели олицетворение, служащее ярким изобразительным средством.

Гүл сифәт гүллүктә турсаң, нәстәрин болгай хиҗил

Көрмәдим нәргиз малаллиқта ләби хәндан-мусән?

Там, где красуется роза, меркнет и настарин
Уста твои вечно насмешливы, я грусть твою
не замечаю

[7, 159]

Метафора – излюбленное средство для Билала Назыма. Нежность и таинственная прелесть отражена в женственности и красоте девушки, такая дуальная метафоризация характерна для восточной поэзии:

*Гүлмиди гунчәмиди, ярим сениң башиңдики,
Кечиләп биләлмидим, кимләр еди қашиңдики*
[9, 166]

Таким образом, на немногочисленных примерах мы видим, как прослеживается преемственность литературной традиции у Билала Назыма, даже использование одной лексемы (в данном случае, рассматриваемая как *лингвокультурема* – своеобразный таксон культуры), служит маркером в использовании изобразительно-художественных средств поэтов XV-XVIII вв., а летоисчисление традиции ведется еще с произведений уйгурского устного народного творчества.

Изучить творчество мастеров слова национальной литературы это значит подступить к изучению определенного периода в истории культуры. Данная статья затрагивает «кусочек» творчества Абая и Билала Назыма и, следовательно, лишь только совершается попытка проанализировать культурный фон, при котором жили и творили поэты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность – М., 1988.
2. Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка – Алма-Ата, 1969.
3. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка – М., 1969.
4. Кенесбаев С.К. Абай – основоположник казахского литературного языка // Простор – 1955. №9 – С. 124-130.
5. Дастанлар. Ферия вә Сәнәм. Йүсүф вә Әһмәд – Алмута, 1982.
6. Моллаудов С. XVIII әсир уйгур поэзияси (тәтқиқат вә текстлар) – Алмута, 1990.

7. Алибакиева Т.М. Двенадцать уйгурских мукамов. Рак мукам. Чапбайт мукам – Вып. 1. – Алма-Ата, 1988.

8. Сәдвәқасов Ф. Уйгур тили – Алмута, 1984.

9. Уйгур әдәбиятиниң қисқичә тарихи – Алмута, 1983.

10. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии – 1989. №6. – С. 31-42.

11. Хамраев М.К. Веков неумирающее слово – Алматы, 1996.

12. Ақсауыт. Батырлар жыры. Екі томдық. I том. – Алматы, 1977.

13. Абай. Қара сөз. Поэмалар. – Алматы, 1993.

14. Лотман Ю.С. О метаязыке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам – Вып. 4. – Тарту, 1969.

15. Бавдинов Р.Р. Лингвокультурологическое поле «земля-земледелие» в древнеуйгурском и современном уйгурском языке: – Дис. канд. филол. н. – Алматы, 2005.

16. Уйгурско-русский словарь. / Под ред. Ш. Кибилова и Ю. Цунвазо – Алма-Ата, 1961.

17. Баратов Ш. Гүлчиликкә аит аталғуларниң шәкиллинишидики бәзи бир алаһидиликләр // Уйғуршунаслик бойичә тәтқиқатлар. I. – Алмута, 2000.

Резюме

Абай мен Билал Назим шығармашылықтары салыстыру жүйесінде қарастырылған. Шығармашылық ерекшеліктері лингвистикалық аспектіде жүргізіледі. Билал Назим шығармашылығында дәстүр жан-жақты ашылады. Автор Абай шығармашылығын халық ауыз әдебиетімен байланыстыра отырып зерттейді.

Summary

In this article author considers poetry of Abay and Bilal Nazim. Bilal Nazim represents Uyghur classic literature of the XIX c. and Abay famous Kazakh poet of XIX c., which developed modern Kazakh language. Researcher investigates poetry of both poets determines main language features in the poems and rhymes. Author of the article underlines the uniqueness and traditionalism of the Uyghur poetry. The author also considers the connection between Kazakh folklore and Abay's poetry and underlines importance of folklore elements in Abay's poetry.